

„ЗА“ И „ПРОТИВЪ“ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Пока человекъ живъ, онъ никогда ни одной минуты не остается совершенно спокойнымъ.

Жизнь человека есть пестрая смѣна настроеній; смѣна, или едва замѣтная для самого переживающаго и его окружающихъ, или же смѣна душевныхъ волненій, рѣзко чувствуемая переживающимъ и отчетливо замѣтная окружающимъ. Въ обыденной жизни, у самой заурядной личности и тамъ забота о питаніи, объ одеждѣ, о здоровьѣ, забота по дому, о дѣтяхъ, по службѣ, уколы самолюбія, стремленія къ чести, достиженію цѣли и т. п. даютъ цѣлый день заботы, цѣлый день волненія. И чѣмъ больше человекъ охваченъ жизнью, тѣмъ больше у него волненій и опасеній.

Душевные волненія—свойство человеческой природы.

Пока человекъ живетъ, будетъ-ли онъ штатскій или военный, онъ волнуется, беспокоится, раздражается, боится, иногда отчаявается, надѣется, вѣрить и въ заботахъ стремится къ желаемому. Словомъ, нѣтъ волненій лишь у мертваго.

Ну, а когда человекъ-воинъ изъ мирной обыденной обстановки попадетъ на войну? Что тамъ? Волнуется-ли онъ или совершенно не волнуется? Въ сомнѣннй, волнуется.

Вѣдь воины—люди, и на войнѣ они не мертвые, а живые! А разъ они живутъ — они волнуются еще сильнѣе, чѣмъ въ мирное время, ибо живутъ новой жизнью: новыя заботы, новыя огорченія, стремленія къ побѣдѣ, иногда разочарованія, жажда славы, обиженное самолюбіе, стремленіе съ честью исполнить долгъ, опасеніе за жизнь и здоровье и т. п. Бойцы многое переживаютъ; они страшатся, сердятся, радуются, временами отчаиваются, надѣются, вѣрятъ въ успѣхъ, разочаровываются и снова вѣрятъ. Жизнь на войнѣ есть яркій калейдоскопъ различныхъ переживаній, переживаній, свойственныхъ человекѣ и въ мирное время, но на войнѣ выраженныхъ болѣе рѣзко и выпукло.

Что на войнѣ бойцы волнуются, страшатся, раздражаются и т. п. всѣмъ извѣстно. Но... лишь только заговорятъ, въ кругу-ли знакомыхъ, на страницахъ-ли печати, о волненіяхъ бойцовъ, сейчасъ же находятся защитники, которые, заступаясь якобы за честь воина и заботясь такъ же о должномъ воспитаніи будущихъ бойцовъ, увѣряютъ, что бойцы на войнѣ *не могутъ* волноваться, *не могутъ* страшиться, что *они не боятся* и не отчаиваются и т. п. «Какіе же это воины, говорятъ они, если они волнуются, боятся, отчаиваются: это позоръ, а не воины; такіе не должны быть на войнѣ».

Возьмемъ боевую дѣйствительность, и она сейчасъ укажетъ, что бойцы въ прежнія войны всегда волновались; нужно думать, что тоже будетъ и въ будущемъ. Очевидно, утвержденіе, что воины въ бояхъ не волнуются, не отвѣчаетъ дѣйствительности.

Да, наконецъ, если бы желаніе и утвержденіе нѣкоторыхъ лицъ, что воины сраженій не боятся, не волнуются и не раздражаются, было справедливо, то чего же лучше? Это были бы идеальные бойцы! Увы, жизнь не даетъ намъ права на это утвержденіе. Разберемъ въ этомъ вопросѣ съ военно-психологической точки зрѣнія.

Бойцы—не боятся. Тотъ изъ бойцовъ, который *потерялъ страхъ*, тотъ на войнѣ не боится смерти. Хорошо. Но онъ же не боится и позора, не боится наказанія, не цѣнить своей жизни и потомъ не избѣгаетъ опасностей для жизни; для него все равно—воевать или не воевать; взять непріятеля въ плѣнъ или быть въ плѣну. У такого воина нѣтъ страха ни передъ смертью, ни передъ

людьми, ни передъ родиной, ни передъ Царемъ, ни передъ Богомъ.

Развѣ намъ нуженъ такой воинъ?

Бойцы—не волнуются. Бойца, котораго не волнуютъ битвы, не волнуетъ видъ убитыхъ и раненыхъ, не будутъ волновать и интересы дѣла. Этотъ боецъ равнодушенъ къ жизни, равнодушенъ къ дѣлу; его не волнуютъ ни уколы самолюбія, ни честолюбіе, ни радости успѣха, ни горе разочарованія и неудачъ; словомъ онъ ко всему равнодушенъ. А развѣ боецъ равнодушенъ къ своему военному дѣлу, то какая же польза для этого дѣла отъ такого бойца?

Бойцы—не раздражаются. Представимъ себѣ, что бойцы сохраняютъ спасительный страхъ; будутъ имѣть способность, не выходя изъ должныхъ предѣловъ, волноваться лишь изъ-за дѣла и изъ-за жизненныхъ интересовъ; но что они не будутъ раздражаться, не будутъ сердиться, не будутъ озлобляться. Желательны-ли намъ такіе бойцы?

Они не будутъ раздражаться на начальство, на товарищей, на порядки, на упущенія; они не разсердятся, не выйдутъ изъ себя, не озлобятся. Повидимому, все это весьма желательно! Но.... эти же бойцы не будутъ имѣть раздраженія и противъ непріятеля; не будутъ сердиться на него за позоръ, нанесенный чести и славѣ Родины, не озлобятся на него при столкновеніяхъ, при могущихъ быть неудачахъ и т. п. При потерѣ чувства раздраженія бойцы потеряютъ въ себѣ одинъ изъ главныхъ стимуловъ, толкающихъ ихъ на непріятеля, побуждающихъ ихъ къ нападенію на врага и къ окончательному его уничтоженію. Желательны-ли такіе бойцы?

Такихъ-ли бойцовъ—безъ страха, волненій и раздраженій, совершенно негодныхъ для войны, желаютъ тѣ, которые говорятъ, что солдатъ на войнѣ не долженъ бояться, не долженъ волноваться, не долженъ раздражаться?

Бойцы съ развитыми чувствами, но способные сдерживать эти чувства въ предѣлахъ должнаго—вотъ желательные бойцы будущаго.

Наше счастье, что бойцы на войнѣ не теряютъ способности чувствовать, волноваться, раздражаться, вѣрять, надѣяться, бояться, стремиться и т. п. Въ этихъ чувствахъ, если и кроются причины нашихъ неудачъ, то въ нихъ же и залогъ нашихъ побѣдъ.

Чувства являются нежелательными, когда они переходятъ предѣлъ нормальной чувствительности. Они являются вредными для дѣла, когда *частично* выражены въ нежелательномъ направленіи (страхъ смерти, паника, растерянность, болѣзненное равнодушіе, отчаяніе и т. п.).

И мнѣ думается, защитники безстрашія, отсутствія волненія и раздраженій у воина, подразумѣваютъ подъ своимъ желаніемъ не приведенное выше полное *безстрашіе* воина, полное его *неволненіе*, полное его *нераздраженіе*, а лишь—*частичное*.

Они желаютъ, чтобы будущій воинъ не боялся смерти, но боялся позора пораженія; не боялся непріятеля, но боялся Бога и Царя. Они желаютъ, чтобы воинъ не волновался при видѣ непріятеля, а волновался за участь дѣла; чтобы воинъ не заботился о своихъ мелочныхъ личныхъ интересахъ, а заботился лишь о пользѣ военнаго дѣла. Они желаютъ, чтобы воинъ не раздражался непорядками, возможными неудачами, временнымъ неуспѣхомъ, а перенесъ свое раздраженіе на непріятеля, стремился бы къ нему съ цѣлью побороть его и уничтожить.

Если за подобное *частичное* ослабленіе чувствъ страха, гнѣва, волненій стоятъ наши словесные противники, то за это же *частичное* ослабленіе или заглушеніе стоимъ и мы. И, слѣдовательно, разницы въ пожеланіяхъ относительно чувствъ воиновъ въ бою у насъ, повидимому, нѣтъ.

Главное несогласіе наше очевидно не въ этомъ, а во взглядахъ и приемахъ достиженія поставленныхъ цѣлей.

Въ бесѣдахъ часто приходилось убѣждаться, что наши противники, придавая выдающееся значеніе «нравственному или моральному элементу» въ военномъ искусствѣ, въ то же время съ недостаточной ясностью разграничиваютъ эту область; въ такъ называемомъ нравственномъ элементѣ они не разграничиваютъ съ достаточной опредѣленностью двухъ областей знаній, отдѣлить которыя одну отъ другой для ясности представленія и для пользы дѣла—необходимо.

Первая область—*что долженъ* или *не долженъ* дѣлать воинъ (идеаль воина)—часто смѣшивается съ другой областью—*что можетъ* сдѣлать воинъ, сообразно его природной и приобрѣтенной психо-физической организаціи (дѣйствительный воинъ). Идеаль воина—одно, а дѣйствительная жизнь (жизнь—по идеалу при неопредѣленныхъ условіяхъ)—другое.

Наши противники придаютъ большое значеніе идеалу воина. Въ своихъ приемахъ воспитанія бойцовъ они стремятся воодушевить воина идеаломъ современнаго бойца и надѣются, что, разъ это имъ удастся, то и въ дѣйствительности, въ бою, ученики ихъ будутъ идеальными бойцами. При этомъ стараются избѣгать, въ приемахъ воодушевленія воина, всего, что можетъ испугать или

устрашить будущаго бойца, думая, что это повліяетъ на прочность залагаемаго фундамента, что отъ разговоровъ о волненіяхъ, о пугливости, о паникѣ, о бывшихъ пораженіяхъ, бойцы стануть и на войнѣ также волнующимися, пугливыми, трусливыми и вообще не стойкими морально. Въ силу этого о волненіяхъ, о чувствахъ, о паникѣ, по ихъ мнѣнію, говорить не слѣдуетъ. Кто говоритъ объ этомъ, тотъ якобы расшатываетъ моральную стойкость бойцовъ, дѣлаетъ ее менѣе устойчивой и, слѣдовательно, подрываетъ моральную боеспособность воиновъ.

Сторонники другого—реальнаго направленія, какъ и сторонники перваго романтическаго направленія ¹⁾, тоже придають громадное значеніе идеалу воина (что *онъ долженъ* и чего *не долженъ* дѣлать); въ этомъ они совершенно сходятся со своими противниками. При воспитаніи бойцовъ они также стремятся воодушевить воиновъ идеаломъ современнаго бойца, но они обращаютъ не меньшее вниманіе и на вторую половину «такъ называемаго нравственнаго элемента» — на то, что воинъ *сможетъ сдѣлать* въ бою, сообразно его природѣ, исполняя свой идеалъ воина.

Первые предполагаютъ, что для моральной подготовки современнаго бойца достаточно одного воодушевленія идеаломъ; вторые считаютъ, что этого мало. Идеалъ одно, а осуществленіе его—другое. Можно имѣть въ головѣ ясное представленіе объ идеалѣ современнаго воина и въ то же время самому быть на войнѣ плохимъ воиномъ. Сторонники втораго реальнаго направленія и стремятся къ тому, чтобы идеалъ современнаго воина былъ не только признаваемъ умственно (въ помыслахъ и мечтаніяхъ), но чтобы *онъ былъ и осуществляемъ въ жизни* — на войнѣ и въ боевой обстановкѣ. Для достиженія этого, кромѣ воодушевленія, вторые стараются изучать челоуѣка, психо-физическую природу воина, стараются проникнуть въ область психическихъ явленій; познать законы психики бойцовъ въ боевыхъ столкновеніяхъ и, познавъ ихъ, *разяснить* будущимъ бойцамъ *природу явленій* и *указать средства* борьбы съ нежелательными проявленіями въ ихъ психической природѣ. Стремятся «не пугать» и «страшить» бойцовъ, какъ выражаются первые, а *разяснить* эти явленія и *научить владѣть* своими чувствами; стремятся не только воодушевить, но и показать способы, какъ въ трудныя минуты боевой обстановки съ честью осуществлять идеалъ современнаго бойца.

¹⁾ М. Эвальдъ. Двѣ доктрины боевого воспитанія войскъ. „Военный Сборникъ“, 1911 г., № 1.

Чтобы бороться съ холерой необходимо изучить холеру; чтобы бороться съ чумой надо знать что такое чума; чтобы бороться съ голодомъ надо знать причины голода. Сторонники второго, реального, направленія, чтобы бороться со страхомъ смерти на войнѣ, изучаютъ проявленія этого страха; чтобы избѣжать паники—стремятся познать ея природу, зарожденіе, проявленіе, распространеніе и т. п. Изслѣдованіе психическихъ явленій въ природѣ бойцовъ они считаютъ крайне необходимымъ и, безъ наличія подобныхъ научныхъ изслѣдованій, считаютъ приемы воспитанія крайне несовершенными.

Думаю, что многіе, если не всѣ, согласятся, что приемы второго—реального—направленія болѣе жизненны и болѣе практичны. Изученіе явленій страха, паники, раздраженія, воодушевленія, утомленія, храбрости и другихъ явленій въ психикѣ бойцовъ крайне желательно. А значить и военная психологія, какъ наука, является въ настоящее время необходимой.

«Нельзя не согласиться, что для дѣла весьма полезно, если будущіе наши бойцы будутъ подготовлены «въ моральномъ отношеніи», говорятъ сторонники романтическаго направленія сторонникамъ реального направленія. «Было бы хорошо, если бы современные люди обладали способами воздѣйствія и укрѣпленія не только тѣла, но и души воина».

«Но мы думаемъ, говорятъ они далѣе, что этими разговорами о какой то психологіи вы пугаете воина, вы его застращиваете, вы его преждевременно портите. Вы такъ его напугаете, что никто и на войну не пожелаетъ идти. Не слѣдуетъ говорить объ этомъ... Тамъ на войнѣ они все узнаютъ...»

Посмотримъ съ военно-психологической точки зрѣнія на эти, повидимому, серьезные основанія, выдвигаемыя противъ лицъ реально-психическаго направленія въ методахъ обученія и воспитанія бойцовъ.

«Этими разговорами о какой то психологіи вы *пугаете* воина; вы его *застращиваете*». Здѣсь необходимо сдѣлать оговорку. Слова: «пугаете», «застращиваете» могутъ быть поняты въ томъ смыслѣ, что приверженцы реальной военной психологіи имѣютъ якобы своей цѣлью именно «пугать», «застращивать воина». И другое: что научными изысканіями и разговорами «о страхѣ», «о паникѣ», «о трусости», безъ желанія и намѣренія вредить, приносятъ вредъ.

Надѣюсь, что въ первомъ—въ цѣляхъ намѣренной порчи воиновъ «разговорами о страхахъ», въ сознательной порчѣ—обвиненіе невозможно.

Но, быть можетъ, реальное военно-психологическое направленіе грѣшитъ въ ненамѣренной порчѣ боевой психической устойчивости бойцовъ, какъ послѣдствіи научной разработки психическихъ явленій: страха, паники, трусости, волненій и т. п.?

Поставимъ вопросъ прямо. Правда ли, что научная разработка вопросовъ военной психологіи (страха, паники, волненій и т. п.) и знакомство воиновъ съ этой разработкой подрываютъ моральную стойкость бойца?

Возьмемъ факты изъ жизни. Мы боимся чумы; боимся холеры; боимся повальныхъ болѣзней. Но вотъ появилась чума, появилась холера или начались повальные болѣзни. Что лучше—говорить объ этомъ или не говорить? *Не говоритъ...*, чтобы не портить моральной устойчивости, скажутъ первые. Да, но вѣдь люди, если не изъ газетъ, то по слухамъ все равно узнаютъ и «безъ пуганія» будутъ напуганы. И о случаяхъ страха, паники и трусости на войнѣ все равно всѣ такъ или иначе узнаютъ. Скрыть фактовъ нельзя. А не зная истины, невольно преувеличиваютъ значеніе слуховъ. Вѣдь большей частью пугаютъ лишь «ложными слухами» «преувеличеніями», «вымыслами»; пугаютъ темную, слѣпую массу, совершенно незнакомую съ тѣмъ, что такое чума? что такое холера? какіе страхи на войнѣ? Разъ человекъ знакомъ, разъ онъ слышалъ и былъ подготовленъ къ чумѣ, къ реальнымъ явленіямъ на войнѣ, онъ никакимъ темнымъ слухамъ и вымысламъ, на что падка невѣжественная толпа, не повѣритъ и не испугается. Ею «запугать» и «заstraщать» нельзя.

Одно изъ дѣйствительныхъ средствъ борьбы со страхомъ болѣзни и самой болѣзню (чумой, холерой и повальными болѣзнями) есть научная разработка этихъ вопросовъ. Распространеніе истинныхъ свѣдѣній объ опасности заразныхъ болѣзней, выработка способовъ борьбы съ ними—суть дѣйствительныя мѣры и противъ «пуганія и заstraщиванія» и противъ дѣйствительной опасности.

Реальное военно-психологическое направленіе стоитъ на строго научной точкѣ зрѣнія—изслѣдованія нежелательныхъ явленій на войнѣ: страха, паники, трусости и т. п. Научное же знакомство, распространеніе правильныхъ свѣдѣній и мѣръ борьбы «не пугаетъ» и не «заstraщиваетъ», а, наоборотъ, prepares къ этимъ явленіямъ и успокаиваетъ.

Сторонники не «пуганія» и не «заstraщиванія» стремятся посылать на войну неподготовленную въ этомъ направленіи темную массу. Темнота же и невѣжество—самая благопріятная почва для «пуганія» «воображаемыми страхами» и «преувеличеніемъ кажущихся опасностей». Съ этой темнотой и невѣжествомъ въ обычныхъ явленіяхъ психики бойца, какъ благопріятной почвой для распространенія всякаго рода «страховъ», и борется посильно своими научными изысканіями реальное военно-психологическое направленіе.

Что касается такихъ благодарныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ: способы или приемы укрѣпленія и поддержанія храбрости; приемы воодушевленія войскъ боевымъ порывомъ; умѣнье познавать во время настроеніе войскъ; отысканіе психологическихъ основъ любви къ родинѣ, патриотизма и т. п.: то вѣдь эти научныя попытки, не внося вреда въ дѣло подготовки бойцовъ, даже по признанію отрицателей реального направленія, удваиваютъ и даже утраиваютъ пользу новаго реального психологическаго направленія.

Думается, что и приведеннаго достаточно, ибо, и безъ поясненія, одинъ лишь здравый смыслъ, основывающійся на дѣйствительности, а не на воображеніи, всегда говоритъ намъ, что «запугивать» и «заstraщивать» наукой по тѣмъ или другимъ вопросамъ—нельзя. Наука съ историческихъ временъ есть первая пособница человѣку въ борьбѣ со страшными явленіями міра внутренняго и міра внѣшняго.

Справедливо ли утвержденіе, что «никто на войну не пожелаетъ»? Лица, повторяющіе подобныя, повидимому, резонныя возраженія, ошибаются въ той области явленій, изученіе которой они и отрицаютъ. Они не знаютъ свойствъ природы человѣка.

Одно изъ неотъемлемыхъ свойствъ человѣка—есть стремленіе къ тому, чтобы быть лучше, чѣмъ окружающіе, стремленіе его къ превосходству, къ отличіямъ («чѣмъ нибудь да выдвинуться»). Это свойство всякаго здороваго человѣка съ особенной наглядностью проявляется тамъ, гдѣ стремленіе къ превосходству связано съ почетомъ, съ похвалой, съ героизмомъ, отличающимъ человѣка не только въ кругу близкихъ знакомыхъ, но и широкаго общества, а быть можетъ и всего государства. Стремленіе не отстать отъ другихъ и быть извѣстнымъ—великій двигатель; оно толкаетъ человѣка и нація на всякаго рода рискъ, связанный съ опасностью. И чѣмъ больше опасности и больше риска въ пред-

пріятіи, тѣмъ предпріятіе заманчивѣе и привлекательнѣе. Охотниковъ всегда много; недостатка не бываетъ.

Возьмите любой спортъ. Всюду и рискъ и опасность, въ особенности, первое время.

Бѣганье на конькахъ—ушибы головы. Ъзда на лошадяхъ—паденіе съ переломами; катаніе на велосипедахъ—постоянный рискъ паденія. Возьмите прежнюю желѣзную дорогу; ѣхать по ней—потерять жизнь; однако, ѣздили. Теперь—летать по воздуху? Сколько смертей, сколько переломовъ, сколько ушибовъ! Вѣдь объ этихъ опасностяхъ всѣ напередъ знаютъ, напередъ учитываютъ. И, однако, недостатка въ охотникахъ нѣтъ. Всѣ рвутся; всѣмъ хочется и испытать и отличиться.

Тоже самое и съ войной. Началась война—охотниковъ сколько угодно. Не говорю о лицахъ долга. Эти лица долга передъ Царемъ и родиной всегда и всюду пойдутъ, несмотря на очевидную для жизни опасность.

Окрасьте лишь подвиги ореоломъ героизма. Выдвиньте почетъ. Окажите достачное уваженіе. Дайте подобающее общественное положеніе. Почитайте героевъ и презирайте трусовъ. Но почитайте и презирайте не на словахъ и не въ книгахъ только, а въ жизни—въ дѣйствительной, обыденной нашей жизни. Поступайте такъ и вы увидите, что желающихъ на войну будетъ больше, чѣмъ мы думаемъ.

Жизнеспособная нація всегда имѣетъ стремленіе къ защитѣ себя. Во время войны—стремленіе на войну, стремленіе къ вооруженной борьбѣ есть реакціонное стремленіе націи на внѣшнюю опасность.

Нація, которая не стремится на войну въ то время, когда задѣты ея жизненные интересы, потеряла свою государственную жизнность. Эта нація погибла.

«Не слѣдуетъ говорить объ этомъ» (о душевныхъ переживаніяхъ бойцовъ и ихъ послѣдствіяхъ во время войны); «тамъ на войнѣ они все узнаютъ», говорить романтикъ.

Что бойцы на войнѣ все узнаютъ—это несомнѣнно. Но что не слѣдуетъ до войны говорить объ этомъ, если мы желаемъ блага себѣ и военному прогрессу, съ этимъ согласиться нельзя.

Прогрессъ военнаго искусства, какъ извѣстно, совершается по опыту бывшихъ боевъ и, въ частности, по опыту послѣднихъ войнъ. Для того, чтобы совершенствованіе наступило, необходимо прежде всего—сознать свое несовершенство; это первое. Второе—прийти на основаніи опыта и обмѣна мнѣній о немъ (разговоръ)

къ практическимъ выводамъ. Всякое совершенствованіе, прежде чѣмъ оно осуществится, предполагаетъ думы и мысли о совершенствованіи; предполагаетъ обмѣнъ мнѣній, разговоры, голосъ прессы, научно-популярныя статьи и научныя трактаты. Тамъ, гдѣ нѣтъ мыслей, нѣтъ обмѣна мнѣній, нѣтъ и совершенствованія, а слѣдовательно нѣтъ и прогресса.

Для прогресса науки вообще и военной въ частности, необходимо самое широкое обсужденіе подвергаемыхъ разработкѣ явленій; необходимо возможно широкій обмѣнъ мнѣній всѣхъ заинтересованныхъ и свѣдущихъ въ этихъ вопросахъ лицъ. Не составляютъ исключенія и вопросы такъ называемой «моральной стойкости» воина; вопросы весьма важные въ практикѣ военнаго дѣла, хотя быть можетъ «щекотливые» и «стыдливые»—при наличности ложнаго самолюбія воиновъ. Если мы хотимъ идти впередъ къ прогрессу военнаго искусства, а не назадъ—къ регрессу его, то первое и необходимое условіе не замалчиваніе, а возможно широкое обсужденіе вопросовъ. Военная психологія, какъ наука, необходима.

Пойдемъ на театръ военныхъ дѣйствій; обратимся тамъ къ фактамъ боевой дѣятельности бойцовъ и посмотримъ что лучше: подготовить бойцовъ къ «ложно-стыдливымъ» явленіямъ или оставить ихъ въ невѣдѣніи въ надеждѣ, что «они сами узнаютъ»?

Спросимъ и дадимъ отвѣтъ на основаніи опыта: какіе бойцы лучше для военнаго дѣла, опытные, или неопытные? Бойцы, только пришедшіе на войну и вступающіе въ бой, или бойцы, прошедшіе горькій опытъ и хорошую практическую боевую школу (напр. около года войны)? Отвѣтъ за преимущество боевого опыта передъ неопытностью—есть отвѣтъ за преимущества и необходимость предварительнаго знакомства съ явленіями психическихъ переживаній и психической тренировки бойцовъ.

Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что опытные бойцы стоятъ значительно выше неопытныхъ. Цѣнность боевой опытности заключается не столько въ повышеніи искусства стрѣлять пачками и залпами, сколько въ ихъ «моральной» или психической тренировкѣ—въ психическомъ опытѣ. А что такое научное знаніе? Это—тоже результатъ опыта, только опыта не одного человѣка, а тысячи людей, въ теченіе многихъ вѣковъ работавшихъ надъ данными вопросами... Мы высоко цѣнимъ опытъ. Лица, бывшіе въ кампаніи, несомнѣнно стоятъ выше по боевому опыту лицъ, не дѣлавшихъ кампаніи. Мы придаемъ большое значеніе даже личному опыту.

Между тѣмъ, научное знаніе выше личнаго опыта. Слишкомъ сильное довѣріе къ личному опыту обыкновенно ведетъ къ узкой точкѣ зрѣнія, къ мѣркѣ жизни на одинъ аршинъ; стремленіе противопоставить свой личный опытъ научному знанію есть стремленіе вредное...

Обратимся къ періоду войны. Всякому, побывавшему въ сраженіяхъ, извѣстно, что бойцы еще до вступленія въ бой—въ періодъ подготовки и, главное, въ періодъ ожиданія сраженія—волнуются. Волненіе можетъ быть разной силы и выразительности: отъ рѣзко и замѣтно выраженного для окружающихъ до незамѣтнаго и даже несознаваемого самимъ испытуемымъ. Однако, волненіе всегда есть у каждаго. Это волненіе выражается большей частью въ тягостныхъ психо-фізіологическихъ проявленіяхъ (докладъ д-ра Шумкова въ психологическомъ об—вѣ при военно-мед. академіи 1908 г.). Эти невольныя психо-фізіологическія проявленія въ организмѣ нерѣдко принимаются и оцѣниваются бойцами какъ серьезныя болѣзненные ощущенія. Бываетъ, что передъ сраженіями—въ періодъ ожиданія, еще не вступая въ бой, около 6—8% выбываетъ изъ строя, серьезно считая себя заболѣвшими. И это люди, не избѣгающіе сраженій, это люди честные, увѣренные въ томъ, что они дѣйствительно заболѣли (сердцемъ, одышкой, разстройствомъ отравленій). Ихъ болѣзни есть лишь плодъ незнанія психо-фізіологическихъ проявленій въ своемъ же организмѣ при волненіяхъ.

Въ сраженіи (не буду говорить о частностяхъ)... преждевременно наступающее утомленіе, разочарованіе, равнодушіе къ окружающему... Ослабленіе психической боевой стойкости, преждевременный отказъ отъ борьбы при наличности достаточныхъ матеріальныхъ средствъ...

Въ большинствѣ случаевъ и здѣсь—послѣдствія психическихъ волненій, бороться съ которыми бойцы, по незнанію ихъ проявленій и по неумѣнію владѣть ими, не могутъ. «Случаи, когда солдаты быстро таяли въ бояхъ не вслѣдствіе потерь, а вслѣдствіе выноса и сопровожденія раненыхъ» (Гр. А. Д. Русс. Ин. № 99—1911 г.), относятся не только къ нарушенію «внѣшней дисциплины»... Одиночныя и массовыя паники... И опять же большей частью у лицъ, не прошедшихъ психической тренировки. Послѣ боевъ... Естественное физическое утомленіе... Нужно знать сколько дать времени на отдыхъ... Необходимо умѣнье когда и какъ поддержать и подбодрить... Въ противномъ случаѣ—потеря психической бое-

упорности или моральной стойкости бойцовъ. Быть можетъ, какъ результатъ разочарованности и потери надежды въ свои боевыя силы, бываютъ случаи ухода съ поля сраженій въ тылъ — въ госпитали подъ видомъ больныхъ. Это «лодыри и симулянты».

Изученіе вопроса «о симулянтахъ и лодыряхъ», чтобы бороться съ этимъ печальнымъ явленіемъ, также необходимо. Замалчиваніе этого большаго вопроса не предотвратитъ его появленія въ будущемъ.

Мы приходимъ къ убъжденію, что о психическихъ переживаніяхъ бойцовъ и ихъ послѣдствіяхъ во время войны — нужно говорить; эти явленія необходимо изучать теперь же — въ мирное время по опыту войны и на основаніи данныхъ психо-физиологіи; на основаніи же изученія надо усваивать мѣры борьбы съ этими нежелательными явленіями. Тогда на войнѣ мы сумѣемъ поддержать наибольшую, возможную для даннаго времени, «психическую стойкость» бойцовъ.

Командному составу на войнѣ необходимо знать основы военной психологіи. Необходима научная разработка и преподаваніе военной психологіи въ мирное время.

Ш—ъ.

